

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44
Х35

Издание перевода осуществлено при финансовой поддержке NORLA

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Хейволл, Гауте.

Х35 Язык огня : роман / ГАУТЕ ХЕЙВОЛЛ ; пер. с норв., М. АЛЕКШИНА, В. ДЬЯКОНОВА. — Москва: АСТ: CORPUS, 2015. — 288 с.

ISBN 978-5-17-085504-9

Маленький норвежский поселок потрясен — в течение месяца загадочный преступник по ночам сжигает дома и сараи и не оставляет следов. “Это безумие”, — в панике шепчутся люди. Спустя тридцать лет в поселок своего детства приезжает автор — он хочет понять, что же произошло в тот страшный весенний месяц 1978 года. Он медленно реконструирует события, которые накладываются на воспоминания детства, и понимает — пожары не только изменили жизни жителей поселка, они каким-то образом повлияли и на него, и на его семью. Его преследуют тени из прошлого, и он как будто снова видит пламя пожаров в ночи..

Знаменитый норвежский писатель Гауте Хейволл написал роман “Язык огня”, основываясь на реальных событиях — череда пожаров действительно потрясла тихую Норвегию в конце 1970-х. Эта психологическая детективная драма стала норвежским бестселлером, а в 2010 году получила престижную премию *Vrage*. “Язык огня” — один из главных норвежских романов последних лет.

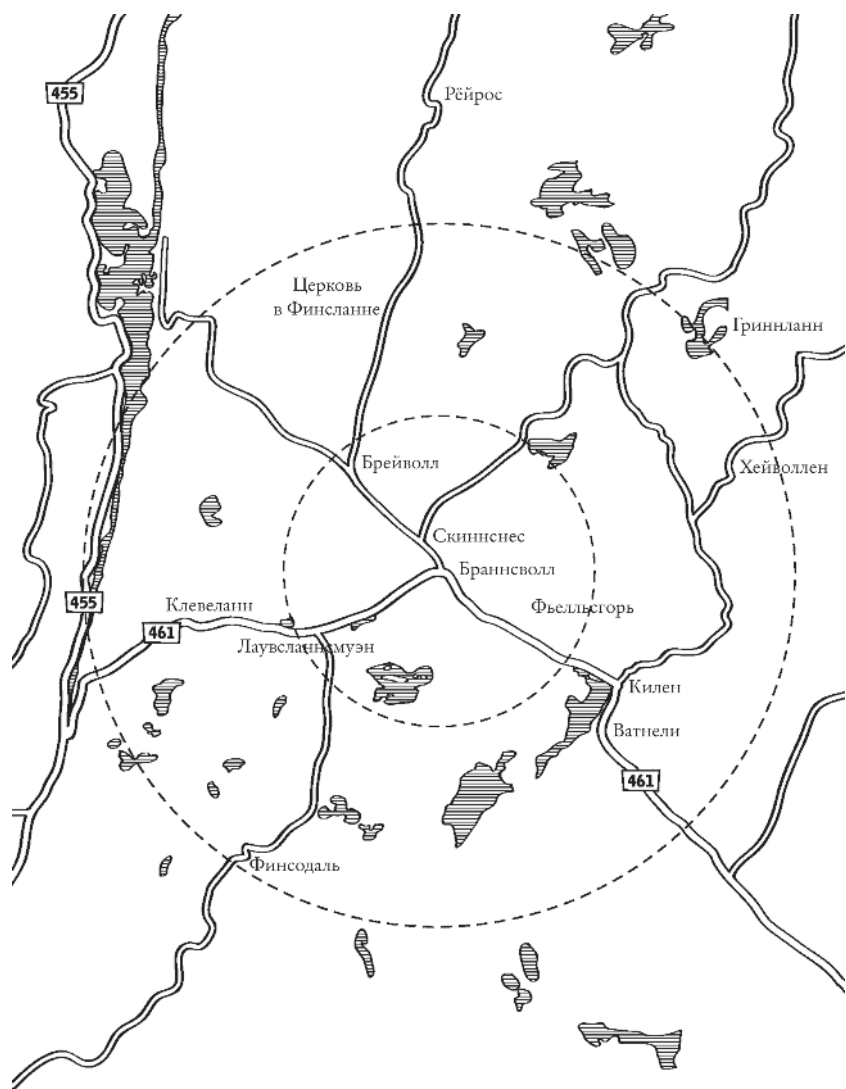
УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-085504-9

- © Tiden Norsk Forlag, 2010
- © М. Алекшина, перевод на русский язык, 2015
- © В. Дьяконова, перевод на русский язык, 2015
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
- © ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

*По большей части все бессмысленно.
Но порой происходит нечто неслыханное,
будто молния сверкнет на небе
и озарит все.
И все преобразится,
и ты сам преобразишься,
и то, что еще недавно имело огромное значение,
потеряет для тебя все свое значение.
И ты пройдешь сквозь пепел
и сам станешь пеплом.*

ПЕР ЛАГЕРКВИСТ



Когда я навещал Альфреда, всплыла одна история. Поначалу я не думал, что она как-то связана с пожарами. Я этой истории раньше не слышал, а она прямо-таки душераздирающая, и при этом полна... хм... как бы это сказать?

Любви?

Случилось это чуть больше ста лет назад в поселке, где я родился и вырос. Один человек покончил с собой, взорвал себя. Было ему тридцать пять лет. Он воспользовался динамитом. Говорили, что потом мать ходила и собирала останки в передник. А через несколько дней после короткой церемонии все, что осталось от него, похоронили в могиле номер 35. Так записано в кладбищенском реестре. В графе "Примечания" указано: "Помешанный".

Не знаю, правда ли это. Но понять могу. Если сесть и хорошенько задуматься, постепенно можно понять. И даже осознать, что только так и следовало поступить. Ведь так и поступают, когда выбора нет. Остается лишь ходить и собирать останки в передник.

Часть I

1

Несколько минут после полуночи 5 июня 1978 года Юханна Ватнели выключила свет на кухне и осторожно притворила дверь. Она прошла положенные четыре шага по холодному коридору и приоткрыла дверь в комнату, чтобы полоска света падала на серый шерстяной плед, которым укрывались даже летом. Там в темноте спал Улав, ее муж. Она на несколько секунд задержалась на пороге, слушая его тяжелое дыхание, а потом отправилась в крошечную ванную и, как обычно, включила воду тонкой струйкой. Она долго мыла лицо. В ванной было холодно, она стояла босиком на коврик, ощущая под ногами твердый пол. Она посмотрела в зеркало, прямо себе в глаза. Обычно она этого не делала, а теперь немного наклонилась вперед и долго вглядывалась в черные зрачки. Потом причесалась и выпила стакан холодной воды из-под крана. Наконец, она передела трусы. Старые были пропитаны кровью. Она сложила их и замочила на ночь в тазу. Через голову она натянула ночную рубашку и тут же

почувствовала резь в животе, в последнее время еще более острую, чем обычно, особенно когда она потягивалась или поднимала тяжести. Будто ножом режут.

Прежде чем потушить свет, она вынула челюсть, и та с бульканьем опустилась в стакан с водой на полочке под зеркалом, рядом с челюстью Улава.

И тут послышался звук автомобиля.

В гостиной было темно, но по окнам двигались странные блики, словно от слабого света в саду. Она спокойно подошла к окну и выглянула наружу. Яркая луна висела над верхушками деревьев на юге, и она увидела все еще цветущую вишню и, если бы не туман, разглядела бы весь пейзаж до самого озера Ливанне на западе. Автомобиль с выключенными фарами медленно проехал мимо дома к дороге на Мэсель. Совершенно черный, а может, красный. Было не видно. Он двинулся очень медленно и наконец завернул за угол и исчез. Она постояла у окна и подождала минуту или две. Потом пошла в спальню.

— Улав, — прошептала она, — Улав.

Ответа не было, он, как всегда, спал крепко. Она снова поспешила в гостиную, больно ударилась бедром о ручку кресла, и, дойдя до окна, как раз застала возвращающийся темный автомобиль. Тот вывернул из-за угла и медленно проезжал прямо под стенами гостиной. Он, вероятно, развернулся возле дома Кнютсенов, но там никого не было, все вернулись в город накануне вечером, она сама видела, как они уезжали. Она слышала шорох шин снаружи. Тихий шум двигателя. Звук включенного радио. А потом автомобиль остановился. Она услышала, как открылась дверца, потом стало тихо. Сердце екнуло. Она опять зашла в спальню, включила свет и стала трясти мужа.

На этот раз он проснулся, но не успел еще встать, как оба услышали громкий хлопок и звон стекла на кухне. Еще в коридоре она почувствовала резкий запах бензина. Одним движением она открыла дверь на кухню и наткнулась на стену огня. Кухня была охвачена пламенем. Видимо, все случилось за считанные секунды. Языки пламени лизали пол, стены, потолок и выли, как большое раненое животное. Она застыла в дверях. Где-то в глубине воя она распознала, будто слышала его раньше, звук трескающегося стекла. Она так и стояла, пока жар не стал невыносимым. Казалось, с лица сползает кожа — со лба и, через глаза, со щек, носа, рта.

И тут она его увидела. На короткое мгновение, всего на две, может, три секунды. Он стоял черной тенью под самым окном, по другую сторону огненного океана. Стоял как вкопанный. Она тоже. Потом он рванулся с места и исчез.

Коридор уже наполнился дымом, он полз по стене с кухни и стелился под потолком плотным туманом. Она на ощупь пробралась к телефону, сняла трубку и набрала номер Ингеманна в Скиннснесе — тот номер, который после недавних событий записала черным фломастером на бумажке. Пока палец крутил диск, она обдумывала, что скажет. “Это Юханна Ватнели. Наш дом горит”.

Телефон молчал.

И тут же замкнуло электричество, щиток взорвался, из розетки у зеркала полетели искры, свет погас, и все погрузилось в полную темноту. Она схватила Улава за руку, и оба поспешили к входной двери. Прохладный ночной воздух попал в дом, и пожар тут же усилился. Они слышали несколько глухих хлоп-

ков, а потом рев, когда пламя ворвалось на второй этаж и тут же поднялось вдоль окон.

Я так много раз представлял себе этот пожар. Будто огонь ждал этого момента, этой ночи, этих минут. Он хотел вырваться в темноту, дотянуться до самого неба, осветить все и высвободиться. И вскоре он *действительно* высвободился. Несколько окон взорвались одновременно, посыпались стекла, и огонь вырвался наружу и озарил сад нереальным желтым светом. Никто не мог описать пожар, потому что там не было никого, кроме Улава и Юханны, но я все это хорошо себе представил. Я представил, как ближние к дому деревья сдвинулись еще плотнее в этом свете, как они словно бы собрались вместе и молчаливо и незаметно заскользили вглубь сада. Я представил, как Юханне пришлось тащить Улава пять ступенек вниз по лестнице, в высокую траву под старой вишней, поросшей плотным серым мхом, через сад до самой дороги, где она поняла, что они наконец в безопасности. Там они остановились и стали смотреть на дом, в котором жили с 1950 года. Они не проронили ни слова, да и сказать было нечего. Спустя одну или, может, две минуты она все-таки сорвалась с места, а Улав остался стоять в одной ночной рубашке. В блуждающем свете он напоминал ребенка. Рот открыт, губы едва шевелятся, будто хотят произнести какое-то несуществующее слово. Юханна поспешила назад через сад, мимо кустов смородины и яблонь, стоявших в цвету еще несколько дней назад. Трава покрылась росой, и подол ее ночной рубашки намок до щиколоток. Стоя на лестнице, она ощутила волны чудовищного жара с кухни и со всей восточной части второго этажа.

И вошла в дом.

Из коридора уже ушла часть дыма, так что можно было разглядеть все еще закрытую дверь на кухню и широко распахнутую дверь в гостиную. Она сделала несколько осторожных шагов. Со всех сторон гремело и трещало, но ей нужно было наверх. При каждом шаге внизу живота чувствовалась резкая боль. Нож вынимали и вставляли обратно. Она схватилась за перила и подтянула себя наверх, до площадки между комнатами во втором этаже. Она открыла дверь в бывшую комнату Коре, там все было по-прежнему. Белая прибранная кровать стояла так, как все годы после его смерти. И шкаф, и стул, к которому он прислонял костыли, и фотография двоих детей, игравших у водопада, и ангел Господень, паривший над ними, — все было по-прежнему. И ее сумка, в которой было три тысячи крон, тоже на месте. Сумка лежала в верхнем ящике комода, до сих пор полного вещей Коре, но едва она заметила его старую рубашку — на ней был небольшой разрыв спереди, — как почувствовала, что сил спуститься у нее уже нет. Будто она вдруг сдалась от одного только вида рубашки. Сумка упала на пол, а она спокойно присела на кровать, почувствовала под собой пружины матраса, услышала их добрый, надежный скрип. Дым сочился сквозь трещины в полу, собирался в клубы и подымался к потолку. Казалось, прямо у нее на глазах из дыма медленно складывалась фигура: выростали руки, ноги, неясные черты лица. Она наклонила голову и, беззвучно шевеля губами, произнесла молитву без начала и конца, только пару предложений. Но тут вдруг что-то громко и резко хлопнуло прямо у нее за спиной, она вышла из забытья, вскочила на ноги и попятилась. Когда она пришла в себя, фи-

гура из дыма исчезла, зато вся комната затуманилась, стало трудно дышать. Она прижала к себе сумку и вышла в коридор. Потом поспешила вниз по лестнице и попала в облако плотного кислого дыма, разъедавшего лицо. Она понимала, что вся их одежда осталась в спальне, тлея там и вот-вот могла загореться. Горло сжалось, на нее навалилась тошнота, в глазах потемнело, но она точно знала, как добраться до двери. Последние метры пришлось идти на ощупь, но она ведь ходила здесь столько раз, что легко нашла входную дверь и вышла на крыльцо, где жар будто бы выдавил ее из дома и вытолкнул на несколько метров вперед. Легкие наполнились свежим, чистым ночным воздухом, и она опустилась на колени. Я представлял себе, как она стояла на коленях в траве, а свет вокруг нее менялся от желтого к белому, от оранжевого к красному. Она присидела, опустив лицо в траву, несколько секунд и постепенно пришла в себя. Наконец она поднялась на ноги, но никого не было видно — ни Улава, ни кого-то другого. Она поспешила вверх по склону к соседнему дому, ярко освещенному заревом пожара. И не успела постучать, как сосед выбежал на крыльцо. Его звали Одд Сивертсен. Он проснулся от яркого света. Она вцепилась в его руку, то ли удерживая его, то ли опираясь, чтобы не упасть. Она смогла только прошептать, но он разобрал каждое слово:

— Я не вижу Улава.

Одд Сивертсен кинулся в дом, чтобы позвонить, а Юханна побежала вниз по склону на дорогу. Теперь уже весь дом был охвачен огнем. Все громче становились треск и хлопки, отзвучивающиеся эхом над озером Ливанне и западными склонами. Гремело так, словно небо разверзлось. Языки пламени походили на огром-

ных диких птиц, кружащихся друг над другом, пролетавших сквозь друг друга, словно они хотели разлететься в разные стороны, освободиться друг от друга, но никак не могли. Пожар за считанные минуты набрал силу и мощь. И тем не менее вокруг нее была удивительная тишина. Я хорошо себе это представляю. Вот дом, горящий в ночи. Первые минуты пожара, когда люди еще не вышли из него. И вокруг — тишина. Только пожар. Дом стоит в одиночестве, и некому его спасти. Он обречен на одиночество и разрушение. Пламя и дым словно всасываются самим небом, треск и гул отдаются эхом далеко вдали. Страшно, ужасно, невыносимо.

И при этом почти красиво.

Юханна позвала Улава. Сначала раз, потом два, потом четыре. Собственный голос, смешивающийся с гулом пламени, казался ей неприятным. Деревья словно плотнее прижались к дому. Они протягивали ветви. Полные любопытства и охваченные ужасом. Она подбежала к сараю, чувствуя, как боль ножом режет низ живота. Казалось, что в нем, будто в большом котле, проделали дыру, и из нее течет теплая кровь. Между домом и амбаром, освещенный ярким светом, стоял он. Ночная рубашка развевалась, хотя ветра не было и он стоял совершенно неподвижно. Приблизившись, она поняла, что ветер — это зловещее дыхание самого пожара, одновременно ледяное и обжигающее. Она потянула его за собой, они снова вышли на дорогу и стояли, прижавшись друг к другу, пока Одд Сивертсен бежал им навстречу. Он задыхался и выглядел очень расстроенным, когда остановился рядом со стариками. Попытался увести их от чудовищного жара, но не смог. Они хотели смотреть, как

догорает их дом. Никто не проронил ни слова. Улав словно окаменел, но ночная рубашка смягчала его облик, белая ткань прохладно струилась по его плечам и рукам. Лица были светлые, ясные, чистые, словно с них стерся возраст. И тут внезапно огонь охватил старую вишню перед кухонным окном. Она всегда зацветала так рано, а Коре любил на нее забираться... Поздним летом вишня гнулась под тяжестью ягод, как мне рассказывали, и самые большие и сладкие всегда висели на концах веток. А сейчас между цветами и ветками пробежало короткое пламя, и немедленно особым светом загорелась вся крона. Тут же отчетливо раздался голос, правда, непонятно чей, Юханны или Улава: "Господи, Господи".

Я очень ясно все себе представлял. Это был восьмой пожар, время — чуть за половину первого ночи 5 июня 1978 года.

И тут приехала пожарная машина.

Они слышали сирены издалека, с Фьелльсгоршлетты, может, еще дальше, от самого молельного дома в Браннсволле, а может, звук сирен доносился прямо от Скиннснеса? Вполне вероятно, поскольку его слышали даже возле церкви. В любом случае звуки сирены становились все громче, отчетливее и резче, а вскоре уже замаячили и синие мигалки, пронесившиеся мимо старой песчаной литейной мастерской на краю озера Ливанне, мимо скотобойни, заправки "Шелл" и принадлежавшего священнику дома с балконом, мимо старой школы в Килене и магазина Каддеберга, пока наконец при въезде на пригорок в Ватнели скорость не снизилась.

Когда пожарная машина остановилась, из нее выпрыгнул молодой человек и подбежал к ним.

— Есть кто внутри?! — выкрикнул он.

— Они выбрались, — сказал Одд Сивертсен, но пожарный словно не услышал ответа. Он вернулся к машине, достал несколько рукавов, швырнул их на землю, и шланги, прокатившись немного вниз по дороге, замерли. Потом он открыл раздвижные двери, вынул и тоже бросил на землю пару топоров и шлем, который теперь покачивался на гравии. Затем он постоял недолго, опустив руки по швам и глядя на пламя. Несколько секунд он стоял рядом с Улавом, Юханной и Оддом Сивертсеном, словно они все вместе наблюдали за чем-то неведомым, которому вот-вот предстояло случиться.

Затем на большой скорости подъехало еще четыре автомобиля. Они остановились чуть позади пожарной машины, фары погасли, и к дому подбежали четверо одетых в черное мужчин.

— Там, возможно, остались люди, — прокричал молодой человек. На нем была тонкая белая рубашка, развевавшаяся на его худом теле. Он подсоединил два рукава к мощному насосу спереди пожарной машины, два других рукава были готовы принять воду. И в эту секунду что-то так громыхнуло в глубине пламени, что земля задрожала, и люди пригнулись, будто осколки снаряда попали им в животы. Кто-то засмеялся, только невозможно было разглядеть, кто именно, а Одд Сивертсен обнял Улава и Юханну и нежно, но в то же время твердо подтолкнул их от дома, вверх по склону. На этот раз они не возражали. Он завел их к себе в дом и набрал номер Кнюта Карлсена. Тот сразу же пришел вместе с женой, их разбудили сирены и чудовищное пламя, и в течение последующих часов было решено, что Улав и Юхан-